

то, что написано мыслителемъ-раціоналистомъ, борющимся съ оффиціальной церковью, о Христѣ, вступаешь въ область чистѣйшей мистики. Съ Толстымъ здѣсь случилось то же, что и съ Ренаномъ, даже въ большей степени. Оглядывая съ высоты своего научнаго и героически-трезваго раціонализма бѣдныя заблужденія человѣчества, историкъ религіи, касаясь Христа и Его вліянія, неизмѣнно имѣетъ дѣло съ матеріаломъ внутреннихъ переживаній, совершенно не поддающимся учету и классификаціи ученаго. Слишкомъ художникъ для того, чтобы просто-на-просто отбросить этотъ матеріаль; слишкомъ тонкій изыскатель человѣческихъ документовъ для того, чтобы не считаться съ самыми богатыми и тонкими,—Ренанъ не отказывается отъ изображенія тѣхъ положеній, въ которыхъ основой всего служатъ таинственная мощь и влекущая прелесть духа, заключеннаго въ хрупкомъ человѣческомъ тѣлѣ. И часто, даваемый историкомъ матеріаль, обращается противъ него, выходитъ изъ всѣхъ рамокъ его трезваго научнаго построенія.

Всѣ разсужденія о долгѣ и о суровыхъ обязанностяхъ работника забываетъ Толстой, когда касается облика Христа; Ему писатель не приписываетъ раціоналистическаго отношенія къ міру и правящей имъ силы, въ Его ученіи не находитъ подтвержденія идей о